

MAGGIE
STIEFVATER

The Raven Boys

МЭГИ
СТИВОТЕР

Москва
2016

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
С80

Maggie Stiefvater

THE RAVEN BOYS

Copyright © 2012 by Maggie Stiefvater.
All rights reserved. Published by arrangement with Scholastic Inc.,
557 Broadway, New York, N410012, USA.

Перевод с английского *Андрея Гришина*

Оформление серии *Радия Фахрутдинова*

Стивотер, Мэгги.

С80 Воронята / Мэгги Стивотер ; [пер. с англ. А. В. Гришина]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Generation Z).

ISBN 978-5-699-74388-9

Всю жизнь Блю Сарджент омрачало зловещее предсказание: тот, кого она по-настоящему полюбит, умрет. И она легко бы отнеслась к этому прорицанию как к шутке, если бы не одно «но»: вся ее семья — ясновидящие, раз за разом повторявшие свое мрачное пророчество. А это совсем меняет дело...

Познакомившись с компанией молодых людей из элитной школы Эглайнби, Блю решает, что никакой опасности нет, ведь не влюбится же она, в самом деле, в одного из этих богатеньких сынков!

И лишь одна тайна тревожит ее душу: Блю точно знает, что в течение года один из молодых парней умрет.

Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© А. Гришин, перевод
на русский язык, 2016
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-74388-9

*Посвящается Бренне,
которая не знает себе равных
в поисках потерянных вещей*

Ждал, дивясь я, в мрак впиваясь, сомневаясь,
ужасаясь,
Грезя тем, чем смертный грезить не дерзал
до этих пор¹.

Эдгар Аллан По

...Мечтатель — это тот, кто находит свою
тропу только при лунном свете, а наказание
его в том, что он видит рассвет раньше, чем
все другие².

Оскар Уайльд

---

¹ Перевод Г. Голохвастова.

² Перевод А. Зверева

Пролог

Блю Сарджент так часто говорили, что ей предстоит убить своего возлюбленного, что она давно сбилась со счета — сколько же раз слышала это.

Ее семейство занималось предсказаниями судьбы. Впрочем, эти предсказания были по большей части весьма расплывчатыми. Например: сегодня с вами произойдет нечто ужасное. Возможно, событие будет связано с цифрой «шесть». Или: к вам идут деньги; приготовьтесь, чтобы не упустить их. Или: вам предстоит важное решение, которое не примется само собой.

Люди, посещавшие их маленький ярко-голубой домик номер 300 по Фокс-вей, не слишком переживали из-за недостаточно точного описания своего будущего. Попытки осознать тот самый миг, когда предсказание воплотится в действительность, превратились в игру, во что-то вроде вызова будущему. Когда автомобиль с шестью пассажирами врежется в машину клиента через два часа после того, как он прочитал предсказание, он сможет кивнуть, ощутив, что обещанное исполнилось. Когда к другой клиентке вдруг подходит сосед и предлагает купить у нее за скромную сумму старую ненужную газонокосилку, она, скорее всего, вспомнит предсказание насчет получения денег и будет считать, что эта сделка была предначертана судьбой. Или когда третий клиент услышит, как жена говорит: «Ты должен что-то решить», он вспомнит, как те же самые слова

произнесла Мора Сарджент, склонившаяся над раскинутыми картами Таро, и уверенно приступает к действиям.

Но неточность предсказаний лишает их части силы. Можно сказать, что это и не предсказание вовсе, а интуиция или же вовсе совпадение. Столкнувшись на стоянке возле «Уолмарта» со старым другом — как было обещано, — человек усмехнется. По спине пробежит холодок, когда на счете за электричество окажется число 17. Останется осознание того, что, даже если перед тобой раскрылось будущее, твоей сегодняшней жизни это знание не изменит. Предсказания истинны, но содержат в себе далеко не всю истину.

— Должна предупредить вас, — всегда говорила Мора новым клиентам, — что гадание будет точным, но без подробностей.

Так было легче.

Но Блю говорили совсем не то и не так. Снова и снова она растопыривала пальцы и подставляла ладонь под внимательный осмотр, ее карты брали с обтянутых бархатом столов и раскидывали по коврам гостиных в домах друзей семьи. Прижимали пальцы к мистическому невидимому третьему глазу, который, говорят, имеется у каждого и находится между бровями. Бросали руны, толковали сны, разглядывали чайную заварку и проводили сеансы.

Все женщины приходили к одному и тому же выводу, однозначному и, что совершенно необъяснимо, точному. То, на чем все они, несмотря на разницу методов ясновидения, сходились, звучало так:

«Если Блю полкубит по-настоящему и поцелует своего возлюбленного, ему предстоит умереть».

Это давно тревожило Блю. Предупреждение, несомненно, было довольно определенным, но все равно походило на сказку. В нем не говорилось о том, как имен-

но умрет ее возлюбленный. О том, сколько времени он проживет после поцелуя. Будет ли это поцелуй в губы? Или смертоносным окажется простое прикосновение губами к тыльной стороне ладони?

До 11 лет Блю считала, что ей предстоит незаметно для окружающих подцепить заразную болезнь. Одно прикосновение ее губ к гипотетическому сердечному другу — и он тоже умрет в безнадежной борьбе с болезнью, неподвластной сегодняшней медицине. К 13 Блю решила, что несчастье произойдет из-за ревности — во время их первого поцелуя неожиданно появится ее прежний поклонник с пистолетом в руке и сердцем, полным злобы.

Перевалив за 15, Блю пришла к мысли, что карты Таро, которыми пользуется ее мать, всего лишь колода игральных карт, и что видения ее матери и других ясновидящих женщин вызваны не потусторонними озарениями, а алкогольными напитками, и, следовательно, это предсказание — просто чепуха.

Впрочем, она знала, что все не так просто. Предсказания, сделанные в доме номер 300 по Фокс-вей, были неконкретными, но, безусловно, верными. Мать Блю увидела во сне сломанную руку Блю, что сбылось в первый же школьный день. Тетя Джими с точностью до 10 долларов предсказала Море сумму, указанную в ее налоговой декларации. А старшая двоюродная сестра Орла всегда начинала мурлыкать свою любимую песенку за 10 минут до того, как ее передавали по радио.

Никто из обитателей дома никогда не сомневался в том, что Блю предназначено убить поцелуем своего возлюбленного. Правда, эта опасность так давно маячила на горизонте, что уже казалась не такой уж страшной. Слишком уж трудно было кому-нибудь воочию представить себе шестилетнюю малышку Блю влюбленной.

А к 16 Блю твердо решила, что никогда не влюбится, так что все это можно выкинуть из головы.

Впрочем, эта уверенность пошатнулась, когда в их городок Генриетту приехала Нив, сводная сестра матери. Нив прославилась тем, что делала публично то же самое, чем мать Блю занималась втихомолку. Мора в своей гостиной предсказывала судьбу обитателям Генриетты и ближайших окрестностей города. Нив пророчествовала по телевизору в пять часов утра. У нее был собственный сайт, украшенный старомодными размытыми фотографиями, с которых она пристально глядела прямо в глаза зрителям. Ее имя было начертано на обложках четырех книг о сверхъестественных явлениях.

Блю никогда прежде не видела Нив, и поэтому все ее представление о своей тете было наскоро почерпнуто из Интернета.

О причинах, по которым Нив решила нанести им визит, Блю могла только догадываться, зато от ее внимания не укрылось, что он породил множество разговоров между Морой и ее лучшими подругами, Персефой и Каллой — разговоров того сорта, когда при появлении Блю собеседницы поспешно подносили к губам чашечки с кофе или кто-нибудь из них принимался постукивать авторучкой по столу. Однако Блю не слишком беспокоилась из-за приезда Нив — что может значить появление еще одной женщины в доме, и без того заполненном ими под самые стропила?

В конце концов Нив все же явилась. Это произошло весенним вечером, когда и так длинные тени лежащих на западе гор казались даже длиннее, чем обычно. Открыв ей дверь, Блю в первый миг подумала, что перед нею какая-то незнакомая старуха, но стоило ее глазам привыкнуть к багряному свету, пробивавшемуся сквозь листву деревьев, как она увидела, что Нив ненамного старше ее матери, которая отнюдь не была старухой.

Вдалеке, надрываясь, лаяли собаки. Блю давно привыкла к их голосам; осенью члены охотничьего клуба Эглайонби почти каждый уик-энд выезжали с гончими на лошадях. Блю знала, что означал надрывный заливи-стый лай, который она слышала: собаки гнали добычу.

— Ты дочка Моры, — сказала Нив и, прежде чем Блю успела ответить, добавила: — В этом году ты влюбишься.

В церковном дворе было холодно, хотя смерть еще не пришла.

Каждый год Блю и ее мать Мора приходили в одно и то же место, и каждый год там было холодно. Но в этом году Моры с нею не было, и Блю казалось, что здесь даже холоднее, чем обычно.

Было 24 апреля, канун дня Святого Марка. Для большинства день Святого Марка приходит и уходит незамеченным. В школах не бывает ни каникул, ни праздников. Никто не дарит никому подарков. Не устраивают фестивалей и костюмированных балов. В день Святого Марка не бывает ярмарок, в витринах не выставляют открыток, посвященных этому дню, по телевизору не показывают программ, которые бывают один раз в году, в этот день. Никто не отмечает 25 апреля в своих календарях. По правде говоря, большинство людей даже не имеет понятия, что в честь Святого Марка был назван особый день.

Но смерть не забывала о нем.

Сидя на каменной стене и дрожа от холода, Блю уговаривала себя, что, по крайней мере, в этом году нет дождя.

Каждый год в канун дня Святого Марка Мора и Блю ехали сюда — в стоящую на отшибе церковь, настолько старую, что и название ее давным-давно забыли. Руины окружали густо поросшие лесом холмы, за которыми на-

ходила Генриетта; до гор оставалось несколько миль. От церкви сохранились только стены; и крыша, и полы давно обвалились. Все, что не сгнило, было укрыто жадными лозами и побегами, пахнущими тухлятиной. Церковь окружала каменная стена, в которой был, возле покойницкой, единственный разрыв, рассчитанный на то, чтобы пропустить могильщиков с гробом. К дверям старинной церкви вела тропинка, утоптанная настолько, что на ней не могли вырасти даже вездесущие сорняки.

— Ах! — выдохнула Нив; пухленькая, но неожиданно элегантная она сидела рядом с Блю на стене. Блю снова, как и при первом знакомстве с Нив, поразили ее странно красивые руки. От полных запястий начинались мягкие, похожие на детские, кисти с тонкими пальцами с овальными ногтями.

— Ах, — снова пропела Нив, — вот это ночь, так ночь.

Она произнесла «Вот это *ночь*», и от ее слов по коже Блю вдруг пробежали мелкие мурашки. Простые десять канунов Святого Марка Блю сидела здесь со своей матерью, но нынче все было по-другому.

Потому что нынче была *ночь*.

В этом году впервые по непонятным Блю причинам Мора не поехала на бдение сама, а отправила в церковь Нив. Мать спросила Блю, поедет ли она туда, как обычно, хотя на самом деле это был вовсе не вопрос. Блю всегда ездила, поедет и в этот раз. Вряд ли у нее могли быть какие-то планы на канун дня Святого Марка. Но спросить следовало. Мора еще до рождения Блю решила, что управлять детьми с помощью приказов — настоящее варварство, и поэтому Блю росла в атмосфере мягких вопросов (являвшихся на деле этими самыми непререкаемыми указаниями).

Блю разжала и снова стиснула озябшие кулачки. Верхние края ее беспалых перчаток излохматились;

она кое-как зачиила их еще в прошлом году, но в них имелся некий шик безалаберного презрения к вещам. Если бы Блю была обделена самомнением, она могла бы носить невзрачные, но практичные перчатки, подаренные ей к Рождеству. Но она любила нравиться себе, и потому надевала свои обтрепанные перчатки без пальцев, которые были несравненно круче, невзирая даже на то, что в них было холодно, да и видеть их не мог никто, кроме Нив и умерших.

Апрельские дни в Генриетте часто бывали ясными и теплыми; в такую погоду на деревьях бурно распу-скались почки, а ошалевшие от любви божьи коровки с разгону бились в оконные стекла. Но нынешняя ночь была не такой. Она больше походила на зиму.

Блю взглянула на часы. Без нескольких минут один-надцать. Старинные легенды советовали приступать к церковному бдению в полночь, но мертвые не слиш-ком внимательно следят за временем, особенно когда на небе нет луны.

В отличие от Блю, не обладавшей особым терпением, Нив восседала на церковной стене словно царственное изваяние — руки сложены, ноги под длинной шерстяной юбкой скрещены в щиколотках. Блю, и без того меньше ростом и комплекцией, да вдобавок еще сгорбившаяся, походила на встревоженную незрячую горгулью. Эта ночь не подходила для ее простых человеческих глаз. Эта ночь предназначалась пророкам и ясновидящим, ведьмам и медиумам.

Другими словами — прочим представителям ее семьи.

В тишине раздался голос Нив.

— Ты что-нибудь слышишь? — спросила она. Ее гла-за ярко сверкали в темноте.

— Нет, — ответила Блю, потому что ничего не слы-шала. Потом подумала, что Нив задала этот вопрос, по-тому что сама-то слышала.

Нив смотрела на нее тем самым взглядом, с каким представляла на всех фотографиях своего сайта — намеренно тяжелым, тревожащим, потусторонним взглядом, остававшимся в неподвижности на несколько секунд дольше, чем можно было выдержать, не испытывая неловкости. Через несколько дней после приезда Нив Блю настолько разнервничалась из-за таких взглядов, что сказала об этом Море. Они вдвоем втиснулись в единственную ванную; Блю собиралась в школу, Мора — на работу.

Блю, пытавшаяся собрать непокорные пряди темных волос в жалкое подобие хвостика, спросила тогда:

— А ей обязательно смотреть вот так?

Мать в душевой кабинке рисовала узоры на запотевшей стеклянной двери. Прежде чем ответить, ей понадобилось отсмеяться; сквозь длинные пересекающиеся полоски, которые она нарисовала на стекле, просвечивала пятнами ее кожа.

— О, это всего лишь коронный прием Нив.

Блю тогда подумала, что, вероятно, можно было бы найти коронный прием и получше.

В церковном дворе Нив произнесла загадочную фразу:

— Тут много чего можно услышать.

Беда состояла в том, что слышать было нечего. Летом подножия холмов оживляло жужжание насекомых, пересвистывались пересмешники, вороны каркали на автомобили. Но этой ночью было еще слишком холодно для того, чтобы хоть что-нибудь проснулось.

— Я не слышу таких вещей, — сказала Блю, немного удивленная тем, что Нив еще не знает этого. В семье, богато наделенной даром ясновидения, Блю оказалась странным отклонением, не имеющим доступа к насыщенным беседам, которые ее мать, тети и двоюродные сестры постоянно вели с миром, сокрытым от большинства людей. Она обладала единственной особенностью,